

УДК 1(091)+115
doi: 10.15421/1717127

Время эпонимическое и историческое

М. Ю. Савельева

Центр гуманитарного образования национальной академии наук Украины, Киев, Украина

Рассматривается проблема отношения древних греков к феномену времени. Установлено, что греки использовали эпонимическую модель времени, согласно которой исторические события соотносятся не с датами, а с предметными признаками – персонами или происходящими событиями – и выступает знанием всеобщего основания сущего. Доказано, что одной из основных причин такого понимания сущности времени является мифологическое мировоззрение в единстве чувственного и сверхчувственного, рационального и иррационального, сакрального и профанного, при котором человек не отделяет себя от мира, замещает индивидуальные смысловые связи мировыми, позиционирует себя в настоящем моменте. Установлено, что переход к историческому типу понимания сущности времени обусловлен усилением рационализации мышления, разрывом между мифом и логосом, переходом от политеистического к монотеистическому видению мира, отчуждением человека от материального мира природы. Сделан вывод, что эпонимический тип восприятия времени отражал целостное, личностное отношение человека к миру как «миру человека», являлся формой исторической памяти и критерием абсолютной ценности человеческой жизни.

Ключевые слова: сознание; форма; миф; мир; мировоззрение; человек; сущность; рациональность; ценность

Eponymic and historical time

M.Y. Savel'eva

Centre of Humanitarian Education of National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine

The article deals with the problem of the ancient Greeks attitude to the phenomenon of time. It is established that the Greeks used the eponymic model of time, according to which historical events are related not to dates, but to objective signs – persons or events. For example, Solon's time, Pericles' time etc. are atoms of time: each of them includes events, victories, defeats etc. and Solon and Pericles determined the rate of flow of time. A person is a human being in multiple aspects of his existence.

It is proved that one of the main reasons for such an understanding of the essence of time is the mythological worldview that combines immanent and transcendent, rational and irrational, sacral and profane aspects, and in which a person does not separate himself from the world and replaces individual meaningful connections with world ties.

Dynamic of time is one of the strongest problems in metaphysics. The Heraclitus' phrase 'panta rei', cause 'flowing' and 'changing' are not the same. Meaning of any changings is not a transition from 'one' to 'another', but tendency to restoration of the equilibrium, homogeneity of the world. A fact of changing is a demonstration of being of unity, but not of opposites.

It is established that the transition to the historical type of understanding of the essence of time is due to the intensification of the rationalization of thinking, the gap between the myth and logos, transition from polytheistic to monotheistic world of view, and the alienation of man from the material world of nature. It is concluded that the eponymic type of perception of time reflected the integral, personal relation of man to the world as «human world», was a form of historical memory and a criterion of the absolute value of human life. That's why time is a special knowledge of common ground of existence. Time contains common principle of changing of events. A calculus as an experience doesn't demonstrate a sense of time. Time isn't a contain, but a form of events, it's condition of 'co-exist of something'.

Increasing of alienation of human being leads to destroy of eponymic time. The more rationalization of thinking and formalization of social interactions, the more alienation and lost of eponymic time. Christian doctrine strengthened a condition of alienation, because time became as a space of Godlessness.

Keywords: consciousness; form; myth; world; worldview; man; essence; rationality; value

---

Цитування даної статті: Савельева М. Ю. Время эпонимическое и историческое / М. Ю. Савельева // Научно-теоретический альманах «Грани». – 2017. – Т. 20. – № 10. – С. 18-25. doi:10.15421/1717127

Citation of this article: Savel'eva, M.Y. (2017). Vremya eponimicheskoe i istoricheskoe [Eponymic and historical time]. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 20 (10), 18-25. doi: 10.15421/1717127 (in Russian).

Received: 08.09.2017

Accepted: 09.10.2017

Час епонімічний та історичний

М. Ю. Савельєва

Центр гуманітарної освіти Національної академії наук України, Київ, Україна

Розглядається проблема відношення давніх греків до феномена часу. Встановлено, що греки використовували епонімічну модель часу, згідно якої історичні події співвідносяться не з датами, а з предметними ознаками – персонами або подіями, що відбуваються – і виступає знанням загальної основи суцього. Доведено, що однією з головних причин такого розуміння сутності часу є міфологічний світогляд у єдності чуттєвого та надчуттєвого, раціонального та ірраціонального, сакрального та профанного, де людина не відділяє себе від світу, заміщує індивідуальні смислові зв'язки світовими, позиціонує себе у теперішньому моменті. Встановлено, що перехід до історичного типу розуміння сутності часу є обумовленим посиленням раціоналізації, розривом між міфом та логосом, переходом від політеїстичного до монотеїстичного світогляду, відчуженням людини від матеріального світу природи. Зроблений висновок, що епонімічний тип сприйняття часу відображав цілісне, особистісне відношення людини до світу як «світу людини» і був формою історичної пам'яті і критерієм абсолютної цінності людського існування.

Ключові слова: свідомість; форма; міф; світ; світогляд; людина; сутність; раціональність; цінність

Поводом для даних размышлений послужило одно высказывание выдающегося филолога и культуролога Михаила Леоновича Гаспарова. В замечательной (и отнюдь не детской по глубине, хоть и написанной для детей) книге «Занимательная Греция» в главе «Летоисчисление» он написал, что у древних греков не было традиции нумеровать годы, вести хронологию событий, буквально «исчислять лета» [3, с. 35]. Даже единственный известный рациональный принцип летоисчисления – по олимпиадам – был введен достаточно поздно, в 264 г. до н. э. сицилийским историком Тимеем.

С тех пор я не раз находила критические замечания в адрес М.Л. Гаспарова. Одно из них кажется мне наиболее уместным, чтобы привести его здесь: «У греков был не нумерологический счет годов, а эпонимический (года обозначались не цифрами, а именами собственными, чаще всего именами архонтов или эфоров – М.С.) Но был» [10, с. 205]. В гомеровскую эпоху также можно найти использование эквивалентов летоисчисления, – к примеру, в текстах Гесиода «луна» выступает символом «года» [5, с. 44].

Разумеется, нельзя всерьез допускать, что М. Л. Гаспаров «не понял» или «не знал» каких-то особенностей ментальности древних греков, или что сами греки были «слишком далеки» от рациональных норм миропознания и развития общества. Попробуем взглянуть на эту ситуацию не критически. Примем для начала как вполне очевидное обстоятельство то, что ранние греки, действительно, не считают годов – не складывают, не вычитают, не выводят последовательности событий, но, тем не менее, признают время как некую движущуюся субстанцию или принцип движения. Иными словами, не выделяя конкретных временных структур (а может быть, как раз поэтому), представляют время как таковое. Вероятно, М.Л. Гаспаров оказался более проницательным, чем это кажется на первый взгляд: за невозможностью нумеровать годы он усмотрел важнейшую особенность всей древнегреческой ментальности – возможность иначе, чем сегодня, воспринимать время. В частности, вос-

принимать его как неподвижное (сам М.Л. Гаспаров говорил: как движущееся на одном месте [3, с. 35–36]). Здесь следует оговориться, что греки эпохи ранней классики (а именно о них шла речь у М. Л. Гаспарова) вполне распространились с первобытным мифологически-непосредственным отношением к миру. Это была культура сложившейся рациональности, весьма цивилизованная, со своей системой гражданских законов, сложной религией, довольно стройной наукой (архитектура, математика, астрономия, навигация). Так какой же урок можно извлечь сегодня из древнегреческого опыта времени? Какая мудрость таится в эпонимической традиции? Наконец, как вообще влияет знание времени на образ жизни народа?

Прежде всего, почему этот народ все же не мог расстаться с чувственным восприятием в каких-то опытных сферах? Вероятно, здесь сыграло главную роль то обстоятельство, что понимание этим народом уникальности своего развития, наблюдение за собственными успехами, высокая общественная самооценка привели к пониманию времени как «своего времени» – как неотчужденного. Чтобы лучше понять, почему эллины отдавали предпочтение не абстрактным числам, а живым именам в отсчете лет, мы можем вспомнить о том, что нам иногда тоже свойствен этот опыт. Мы ведь иногда вместо того чтобы сказать: «Я родился в таком-то году», говорим: «Я родился в год свершения какого-то события». Но если мы берем за точку отсчета ситуацию, а не дату, то вовсе не для сохранения исторической точности, а чтобы выразить отношение и эмоционально выделить важное для нас событие. Выделить из потока времени и задать ему свое (то есть мое) автономное время, свою судьбу.

На протяжении всего языческого периода своей истории древние греки именно так и воспринимали время – как непосредственно слитое с людьми, живущими в нем и являющимися его выразителями. Они не дистанцировались от времени, полноценно его переживали и более всего ценили настоящий момент. Если вчитаться в немногочис-

ленные тексты эпохи Ранней классики, заметно, что в них отсутствуют рассуждения о будущем. И вовсе не потому, что будущее представлялось зыбким и неуверенным, а потому что настоящее важнее; оно – путь в будущее. Вот примеры некоторых суждений древних о том, что такое «время»: по разным свидетельствам, Фалес утверждал, что «мудрее всего – время, ибо оно раскрывает все» [6, с. 65]¹. Согласно Ферекиду Сиросскому, «время – то, в чем управляется Вселенная» [9, с. 87], а Анаксимандр Йонийский полагал так: «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [=ущерба] в назначенный срок времени» [9, с. 127]. Как видно, если верить сказанному, первоначально время упоминали не иначе как в отношении ко «всеуму», как форму или вместилище. «Все» – значит «сразу», а «сразу» – значит «как настоящее», «сейчас».

Мир целостен и завершен, его состоянию нечего противопоставить, потому что знание целостности есть знание очевидное, простое и непосредственное. Следовательно, знание истинное. Поэтому отдельные временные отрезки поначалу не нумеруются, а воспринимаются непосредственно через социальные отношения – как конечные, единые, неделимые и значит уникальные, непохожие на других. Скажем, «время Солона» или «время Писистрата» являются такими «временными атомами», делить или переставлять которые не имеет смысла, поскольку их сущность заключается в самих названиях. Так же бессмысленно выводить их друг из друга. И вовсе не потому, что в истории они не составляли временной последовательности. Если бы и составляли, их все равно неправомерно было бы сопоставлять, поскольку каждое из них самодостаточно, уникально и самоценно.

Наделение времени чьими-то эпонимами, к примеру, Перикла или Фемистокла, было для древнего грека привычно; это были наиболее подходящие характеристики, которыми можно передать «дух времени». Кто лучше современников расскажет о своей эпохе? Человек сам определяет скорость времени, направление его смыслового движения, предполагает и создает основания для окончательного результата. При этом время не является только физической субстанцией или только формой внутреннего чувства; оно – мифологический феномен, отражающий всю полноту единства и целостности чувственного и сверхчувственного, рационального и нерационального, оно – весь меняющийся и устойчивый мир. Оно присвоено, понято и продолжено человеком: сам Фемистокл и есть «время Фемистокла», его события, победы и поражения; Перикл и есть «время самого себя», пятнадцатилетний «Золотой Век» Афинской демократии. Словом, «человек – это мир человека...»

Так же, как тождественными были мысль и то, о чем она, были тождественными человек и время, в котором он живет.

Мифологический тип восприятия времени как его реальное пропускание через себя выявляет примечательную особенность человеческого познания и отношения к миру. Пока нет основания сравнивать отдельные временные отрезки, человек не в состоянии видеть изменения, происходящие в моменты переходов от одного события к другому и рассматривать каждое явление как важное само по себе. В самом деле, переживание как чувство по форме постоянно, совершается с одинаковой интенсивностью и полнотой в любое время – усилиями всей жизни. Поэтому содержание чувства в данном случае не имеет значения. Главное – то, что чувства продолжают осуществляться в любых обстоятельствах и даже вопреки им. В этом смысле нет основания отличать одно событие от другого, сравнивать один исторический этап с другим, потому что они действительно не сравнимы; в них больше общего, чем различного. Так сказать, «что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9).

При этом, мы, конечно же, воспринимаем движение времени – но только как «движение количества в рамках закрытого в себе качества». Это внутреннее движение внешне неизменного времени весьма хорошо отразил Гераклит. Приписываемое ему «*pana tei*» своей видимой простотой и ясностью вводит в заблуждение до сегодняшнего дня: из того обстоятельства, что «все течет», вовсе не следует, что «все меняется» [Ср. 6, с. 177 и 7, с. 80, 81]. Мы же к сказанному легкомысленно добавляем от себя, думая, что продуктивно «развиваем мысль классика». На самом же деле вносим путаницу в собственное восприятие древнегреческого миропонимания: «течение» и «изменение», взятые в своей абстрактной понятийной формальности, в самом деле, могут быть тождественны; но, представленные чувственно-наглядно, они глубоко различны. «Река», конечно, «течет», но никому в голову не приходит распознавать в ее течении какие-то качественные перемены. А выражение «на входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды» [4, с. 209] означает не более чем «все те же самые воды», «воды, всегда соответствующие сами себе в разное время». Потому что «все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» (Еккл. 1:7). Сказано другими устами и в другом месте, но смысл сохраняется тот же самый. К чему же выстраивать временную цепочку?.. По-другому и быть не может: «река» – вещь целостная, и должна такой оставаться в адекватном восприятии. Древнегреческая «физио-логика» как принцип восприятия «мира как тела» требует жить

«сегодняшним днем», наполненным завершёнными и совершенными телами, одно из проявлений совершенства которых, кстати, есть их абсолютная зависимость от времени. Имеет смысл лишь факт наличия начала и конца, сравнение же одного с другим вводит от понимания главного: совершенность жизни, необратимость ее есть критерий ее бытийной абсолютности. Нельзя изменить, исправить то, что свершилось, но можно дождаться, пока все повторится. А потому время как относительность не имеет значения.

Эту же мысль можно обнаружить и в другом известном высказывании Гераклита: «Холодное нагревается, горячее охлаждается, влажное сохнет, иссохшее орошается» [4, с. 214]. Эти слова чаще всего толкуют как классическую картину единства противоположностей [8, с. 124] и, значит, развития, качественного, сущностного изменения во времени. Но здесь есть нюанс, мимо которого проскальзывает рационально мыслящий ум: Гераклит говорит о том, что сущностью любого изменения является не просто переход от «одного» к «другому», а тенденция восстановления равновесия, однородности мира. Любое изменение лишь потому и происходит, что в структуре и механизме его хранится память неизменности, единства. Факт изменения подтверждает бытие этого единства, иначе как узнать о том, что изменилось? Поэтому единство мира есть не «единство противоположностей», а «единство себе подобных». Ведь когда «холодное нагревается», а «горячее охлаждается», в какой-то момент они перестают различаться и только поэтому становятся «Одним». «Единство противоположностей» как их неразрывность, конечно, тоже существует, но как момент неустойчивости, необходимый к преодолению; в нем изменения неопределенны, только становятся и оформляются, и потому являются промежуточным состоянием Единства, путем к действительному Единству.

Все это довольно долго мешало грекам стать историческим народом и жить в мире на основании становления в противоречии времен. Времен много, когда история одна. Но единство времени порождает множество «историй». Вместо одной смысловой связи, тянувшейся непрерывно, они описывали множество коротких разнообразных по сюжетам связей, подменявших друг друга. Вплоть до середины V в. до н. э. мир для них продолжал оставаться вещественным и, значит, исключал всякую качественную изменчивость и временную растяжимость. В таком мире естественны «любовь» и «вражда», но неуместна беспристрастность исторического анализа. В этом смысле «мир Геродота» не многим отличался от «мира Гомера». Оба повествователя были увлечены подробностями частной жизни, потому что ценили ее больше всего на свете как привилегию свободных людей. А целостная картина войны или судьбы народа их не волнова-

ла: война – заурядное событие, в котором протекает и утрачивается жизнь, и воспринимать ее нужно спокойно. Поэтому в представлениях Геродота нет никакой разницы между мирной жизнью на берегах Нила и Греко-персидскими войнами. Различие носит экзистенциальный, а не объективно-исторический характер.

Отсюда следует, что если время представлять как чувственный опыт – как реальное переживание длительности событий – нет смысла его исчислять, (нумеровать), поскольку события ни с чем нельзя сопоставить и нечего противопоставить им. Все физические величины следует рассматривать как носителей сущностного единства; эта общая особенность рационального мышления сохранилась до наших дней. Исчислению подвергается лишь то, сущность чего проявляется не сама по себе, а лишь в процессе исчисления как сопоставления с чем-то, то есть в противоречии с собой. Например, деньги. Или вещи, выполняющие функцию денег. Если бы время выявляло свою сущность только в исчислении (время = деньги?), тогда исчисление как противоречие беспредметного и предметного миров (бытия и времени) имело бы абсолютный смысл. Но поскольку история сохранила альтернативное понимание времени, видимо, сущность его все же в другом.

Это означает, что время является не просто знанием, но знанием особым, содержащим всеобщий принцип или форму изменения (= движения) событий. Знанием всеобщего основания сущего. Потому исчисление как опыт не в состоянии передать его сути. К примеру, я утверждаю, что некое событие произошло в таком-то году. – Ну и что с того? – удивился бы некто, живший в V в. до н. э. – Ах, это было при Поликрате?! Понятно теперь, почему для тебя это так значимо, и т. п.

Знание времени – время настоящего знания. А потому – «мудрое знание». Ведь мудрость, как известно, «в том, чтобы знать все как одно» [4, с. 199]. Почему? А вот здесь следует вспомнить мнение Диогена Лаэртского, который так свидетельствовал о Пифагоре: по мнению последнего, «философ – просто тот, кто чувствует тягу к мудрости, мудрецом же может быть только бог, а не человек» [6, с. 58]. Значит, «единство» как завершённое состояние чего-либо – приоритет жизни богов, «люди же одно признали несправедливым, другое справедливым» [4, с. 241], одно объединили, другое разъединили – пронумеровали годы, например. И сделали совершенно бесполезную работу, ибо, если не знаешь, что есть «Единое» – как можно знать, что есть «Многое»? Перечисляя годы, познаем ли мы их сущность? Вряд ли. Сравнивая представления о «Едином» и «Многом», смогли ли мы узнать о них нечто безусловное? Вряд ли. Тогда не стоит ли бросить эту глупую затею выстроить вещи друг за другом и обратиться к изучению жизни богов? Для них ведь все одинаково, хотя

содержание «всего» может и различаться: время разбрасывать камни – и время собирать их; время строить – и время разрушать...

Время – не содержание события, а его форма. Оно – абсолютное условие «со-стояния» чего-либо. Значит, оно не отчуждено в прошлое само от себя, а живет собственной жизнью. Ведь если события перечислены где-то в прошлом, впечатлительное таково, что все уже произошло раз и навсегда, ничего нельзя изменить и переписать. Но если это время поименовано, его переживают снова и снова, всякий раз по-иному воспроизводя в памяти. Что с того, что эпоха Агамемнона давно прошла? Пока я произношу имя – личность жива. А значит, история ее продолжается, время события не окончено и мы вправе пересказывать его так, как можем пережить. Время как наполненность «обнаруживает все», и тайна этого «все» есть тайна времени. Оно не закончится, пока не будет обнаружено «все», а значит, не остановится поток событий, простирающихся в границах «теперь». Время не только «со-держит» события, но цепко «держит» их – то придерживает, то отпускает, в любой момент приближая их в акте мысли, которая есть то же, что и мир.

Таким образом, опыт времени отражал общие особенности жизненного опыта древних греков. Они не знали иного единства, кроме представлений о непосредственно переживаемом единстве бытия, и никакого другого общего опыта, кроме философского опыта мышления этого бытийного единства – опять же опыта негативного. Поэтому в жизни эти представления о единстве закономерно уравнивались политической и культурной разобщенностью эллинских племен, каждое из которых, к тому же, жило в соответствии со своим календарем, «в своем времени» (еще бы: природа ведь разнообразна, значит, и время тоже).

Но ведь история распорядилась так, что традиция эпонимического времени все же была вытеснена традицией времени нумерологического. В чем же смысл такой перемены отношения человека к миру? Можно предположить, что логическая закономерность этого коренится в постоянно возрастающей отчужденности человека от мира, в усиливающейся рационализации мышления и формализации социальных отношений. В этом смысле нумерологический опыт формировался не только вследствие вытеснения опыта эпонимического, но и параллельно с ним, в пределах одной и той же культуры, как обратная сторона чувственного мировосприятия. Несмотря ни на какие реальные успехи человека как родового существа, несмотря ни на какое совершенство общественной организации, люди все же совершают ошибки, и лишь некоторые из них непоправимы. В конце концов, люди смертны и осознают себя в этом качестве. Никакое знание, никакой совершенный ум не способен смириться со смертностью тела и найти для

этого такой абсолютный аргумент, который одновременно стал бы реальным способом забвения смерти. Именно поэтому человек, реально удаляясь от мира в момент смерти, желает вернуться к единству с ним хотя бы в памяти людей (в мире Идей). Чувственный опыт, опыт реального переживания жизни есть опыт присвоения времени; но опыт рефлексивный, философский рано или поздно должен был привести к отрицанию эпонимического времени. Не все культурные персонажи Древней Греции стали представителями «своего времени». Если Перикл есть «время Перикла», то Пифагор не есть «время Пифагора», а Сократ не есть «время Сократа». Более того: Пифагор еще просто не есть «время самого себя», а Сократ уже есть отрицание «своего времени» как времени эпонимического и установление принципа линейной безвозвратности, что и отразил Платон в своем творчестве.

Кроме того, существует и историческая закономерность утверждения нумерологической традиции, состоящая в тесной связи мировоззрения с типологией религиозных представлений. Издавна опыт нумерологического летоисчисления был свойствен народам и культурам, исповедовавшим монотеизм. Линейность временных представлений – историческое мышление – задолго до греков развивали иудеи. В Европе нумерологический опыт времени утвердился вместе с христианством. В чем же связь представлений о времени и религиозного опыта?

Поскольку время является всеобщим предельным опытом постижения человечеством качественных изменений бытия, оно выступает критерием оценки человека как бытийного существа, как носителя божественной сущности. Если человек живет в мире, где «все полно богов» (Фалес), его отношение к миру не будет противоречивым, он будет воспринимать свое недолгое пребывание на Земле как естественное и радоваться каждому прожитому дню. Для такого человека время и вечность – суть одно и то же, поскольку для мифологического сознания «часть» и «целое» равны. Но если человек живет в мире, который оставлен Богом, или который Бог отдалил от себя в силу каких-то непримиримых противоречий с человеком (вследствие первородного греха), тогда время воспринимается как проклятие, как «путь к смерти», как мучительный процесс ожидания конца. В этой ситуации время и вечность прямо противоположны. И хотя время – по-прежнему часть вечности, именно поэтому оно никогда не станет вечностью.

Христианская доктрина еще больше усилила чувство отчужденности человека от мира. Тысячелетние ожидания пришествия Бога в этот мир завершились Распятием; история показала людям, что Бог как таковой ни при каких обстоятельствах не может находиться в мире, а значит, вечность на-

всегда закрыта для человечества при жизни. Время – это пространство Богооставленности, и в этом смысле оно противостоит вечности, бытию как Бог-присутствию. Иными словами, Христос не есть «время Христа», напротив, Он есть полное отрицание текущего до сих пор времени и утверждение принципов нового бытия времени, – новой эпохи, новой эры. Поэтому время, в котором живет человек – не «его», не «свое», чужое; это время ожидания, предчувствия, надежды, время Несвершившегося, но неизбежного.

Видимо, все эти обстоятельства стали основанием передачи опыта времени с помощью летоисчисления. Смысл нового отношения ко времени состоит в том, что человек открыл для себя способ более точного отражения сущности времени. Время теперь воспринимается не просто как «длительность», а как ограниченная вечностью длительность, имеющая начало и конец. Поэтому становится крайне важным точно рассчитать его длительность для себя в бесконечном потоке, чтобы успеть сделать в жизни какие-то вещи и с какими-то результатами предстать перед Предвечным.

Попытки введения точного летоисчисления в различных культурах создавали для человека многочисленные сложности. Исчисляемая вечность есть бесконечность. Исчислять следует то, что само укладывается в бесконечность. Однако даже в ситуации реального пребывания Христа в мире человек не в состоянии был получить адекватное представление о бесконечности, поскольку не овладел ее устойчивым понятием. Логически мы

можем предположить, что овладеть представлением о бесконечности невозможно в силу ее предельной противоречивости и непредставимости. С этим столкнулись уже древние греки (правда, не в связи с опытом времени). Для них бесконечное представлялось как не абстрактным принципом поглощения альтернативы, а предметно – как «бесконечно большая конечность», что является единственно возможным адекватным познанием сущности бесконечности. Но в этом случае бесконечность должна рассматриваться как «внутреннее единство» и значит как непротиворечивость, целостность и закрытость для других конечных структур. Однако единственной конкретной характеристикой бесконечности является как раз «отсутствие единства» (Аристотель в свое время назвал это «негативным атрибутом», лишенностью [2, с. 121]), поскольку по определению человек не может воспринимать бесконечность со стороны, всю². Более того: вписывая понятие бесконечности в картину мира, человек распространяет это противоречие на весь мир, так сказать, «до бесконечности». Только в том случае, если человек живет по законам монотеистической религии, попытки точного определения бесконечности становятся не такими бесплодными.

Таким образом, нумерологический опыт времени до сегодняшнего дня является полем борьбы человека с самим собой и постоянными попытками оправдаться перед самим собой и перед Богом, чтобы доказать Ему свое достоинство и основание пребывания в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Позднее Апулей дал более модернизированное и рационализированное свидетельство фалесова понимания природы времени. Но, несмотря на иную манеру аргументации, римский мыслитель не противоречил греческому философу и оставил одно из наиболее подробных описаний его опыта времени: «Фалес Милетский... малыми линиями открыл величайшие вещи: круговороты времен года, ветров дуновения, звезд движения [~пути, орбиты], громов дивные громыхания, планет (sidera) извилистые пути, Солнца годичные повороты... а также [объяснил] нарождающейся Луны прибывание, стареющей – убывание, затмевающейся – преграды. Мало того, уже на склоне старческих лет он придумал божественный расчет [~пропорцию, ratio], относящийся к Солнцу [вычислив] сколько раз своей величиной [=диаметром] Солнце меряет ту окружность, которую оно пробегает...» [1, с. 112–113].

² С этим обстоятельством вполне согласуется факт начала употребления разделения суток на часы после Александра Великого. Бесконечные просторы империи требовали единого принципа упорядоченности мировоззрения, а что упорядочивает лучше, чем время? Вообще же подробный разбор проблемы бесконечности дан Аристотелем в трактате «Физика» [2, с. 121–123].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Апулей. Флориды, 18 / Пер. А. В. Лебедева // Фрагменты ранних греческих философов / Под ред. А. В. Лебедева. – Ч. 1. – М.: Наука, 1989. – С. 112–113.
2. Аристотель. Физика, Г 7, 207 b 35 / Пер. В. Я. Карпова // Аристотель. Соч. в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1981. – С. 59–260.
3. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре / М. Л. Гаспаров. – М.: Нов. лит. обзор., Греко-латинский каб. Ю. А. Шичалина, 1998. – 384 с.
4. Гераклит. Фрагменты, DK, 12 A / Пер. А. В. Лебедева // Фрагменты ранних греческих философов / Под ред. А. В. Лебедева. – Ч. 1. – М.: наука, 1989. – Ч. 1. – С. 209.
5. Гесиод. Полное собрание текстов / Пер. В. Вересаева. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. – 2 изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
7. Кессиди Ф. Х. Гераклит / Ф. Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1982 – 200 с.
8. Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей / Н. В. Мотрошилова. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
9. Фрагменты ранних греческих философов / Под ред. А. В. Лебедева. – Ч. 1. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
10. Пучков А. А. Contra Michaellem Gasparovum / Correctio ad rationem annalem in «Graecia curios» / А. А. Пучков // Містобудування та територіальне планування: Наук. техн. зб. – Киев: КНУБА, 2006. – № 25. – С. 203–212.

REFERENCES

1. Apulej. Floridy, 18 [Apuleus. Florida, 18]. (1989). *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*, part 1: 112-113. Moscow: Nauka (in Russian).
2. Aristotel'. Fizika, G 7, 207 b 35 [Aristotle. Physics, G 7, 207 b 35]. (1981). *Aristotel'. Soch. v 4 t.*, 3: 59-260. Moscow: Mysl' (in Russian).
3. Gasparov, M. L. (1998). *Zanimatel'naya Greciya: Rasskazy o drevnegrecheskoj kul'ture [Entertaining Greece: Stories about the ancient Greek culture]*. Moscow: Nov. lit. obozr., Greko-latinskij kab. YU. A. SHichalina (in Russian).
4. Geraklit. Fragmenty, DK, 12 A [Heraclitus. Fragments, DK, 12 A]. (1989). *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*, part 1: 209. Moscow: Nauka (in Russian).
5. Gesiod (2001). *Teogoniya [Theogony]. Polnoe sobranie tekstov*. Moscow: Labirint (in Russian).
6. Diogen Laehrtskij (1986). *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov [Diogenes of Laertius. On the life, teachings and sayings of the famous philosophers]*. 2 izd., ispr. i dop. Moscow: Mysl' (in Russian).
7. Kessidi, F. H. (1982). *Geraklit [Heraclitus]*. Moscow: Mysl' (in Russian).
8. Motroshilova, N. V. (1991). *Rozhdenie i razvitie filosofskih idej [The birth and development of philosophical ideas]*. Moscow: Politizdat (in Russian).
9. (1989). *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*, part 1, 87. Moscow: Nauka (in Russian).
10. Puchkov, A. A. (2006). *Contra Michaellem Gasparovum. Correctio ad rationem annalem in «Graecia curios»*. *Mistobuduvannya ta terytorial'ne planuvannya: Nauk. tekhn. zb.*, (25): 203-212. Kyiv: KNUBA (in Ukrainian).

Савельева Марина Юрьевна - доктор философских наук, профессор
Центр гуманитарного образования национальной академии наук Украины
Адрес: 01601, Киев, ул. Трехсвятительская, 4
E-mail: mars6464@gmail.com

Savel'eva Marina Y. - doctor of philosophy, professor,
Centre of Humanitarian Education of National Academy of Sciences of Ukraine
Address: 4, Tr'ohsvyatytel's'ka Str., Kyiv, 01601, Ukraine
E-mail: mars6464@gmail.com
ORCID 0000-0001-9522-0644